

Искусство, которое создавал Шавгулидзе

Творчество истинного актера всегда с особой яркостью высвечивает ту или иную проблему сценического искусства. Творчество Георгия Шавгулидзе связано с проблемой формы сценического образа.

Проблема эта сложнейшая, потому что материалом для активного актерского образа является его же живое тело, его пластика, голос, глаза... В таком именно материале воплощен характер персонажа, живущего в спектакле.

Г. Шавгулидзе создавал удивительный рисунок не только внешности своего героя, но и рисунок всей его жизни в спектакле — рисунок походки, движения, всю манеру существования. Манеры, определяемые не только возрастом и характером, складом души, но и костюмом, который он носит. Г. Шавгулидзе не то, чтобы носил костюм — нет, он вливал в него свое тело и делал одевание настолько своим, что создавалось полное впечатление, будто всю свою жизнь он был одет именно и только так... Вспомните его героев: Саят — Нова, Чкондели, Корчи-Хан, Цезарь, Кохта, Никифор Уклеба, Харитон...

Редчайший талант владения костюмом производил такое потрясающее впечатление, что трудно было заметить другое — как разнообразна была звуковая выразительность его созданий. Его герои отличались друг от друга не только внешностью, одеждой и пластикой — различались их речь, ее ритм, интонационная структура фраз, само рождение слова.

И все-таки, всего более выразительным было его тело, совершенное в своих пропорциях. Это было даровано природой. Затем уже обладатель его, актер, овладел им и по-

ставил его возможности на службу собственному творчеству, тем замыслам, ради воплощения которых выходил он на сцену. Нетренированное тело не может служить искусству. Оно не может воплощать смелые, подчас рискованные замыслы, возникающие в воображении такого актера, как Г. Шавгулидзе. Такие замыслы требовали соответствующего «инструмента». Об этом «инструменте» заботился он непрерывно. Потому оно было прекрасно не только внешне — это было еще и «воспитанное тело», «поставленное», как рука пианиста и голос певца. Оно было подвластно воле актера и мастера.

Подлинное мастерство — результат сознательного, целенаправленного, упорного и систематического труда. Поэтому мастер-профессионал — это человек, всегда готовый решать задачу любой сложности. А раз он в постоянной боевой готовности, внутренне мобилизован, то и произведение его свободно от следов проделанного, подчас тяжелого труда. Сценические образы Г. Шавгулидзе производили такое именно впечатление: созданных без особой затраты сил, легко, благодаря лишь интуиции и вдохновению.

Распространению такого мнения, частично, содействовал он сам — никогда не стремился к теоретическим обобщениям, свои мысли по поводу искусства не превращал в предмет обсуждения, выдумывал, будто книга нагоняет на него сон. Неправдоподобно это. Разве можно, благодаря только интуиции, так свободно владеть на сцене предметами столь разными, как посох, шпага, музыкальный инструмент, затасканный портфель... Как все перечислить?! Разве возможно, благодаря лишь интуиции, так выстроить сценическую

жизнь героя, чтобы к концу спектакля силы никогда не иссякали, и не дать возможность вспомнить роль, которую со временем он стал хуже играть?! Невозможно. А был он именно таким актером.

Что осталось от искусства Георгия Шавгулидзе? На кинолентку спектакли

драматических театров не снимают и по сей день. Есть только фотоснимки отдельных моментов жизни его сценических героев. И все-таки совершенно очевидно, что это люди разного возраста, разных мировоззрений, социального положения и душевного склада. И еще — люди разных времен, подчас от нас весьма отдаленных. Они разнятся друг от друга в тысяче мелочей. Откуда он все это знал? Как достигалось такое фантастическое разнообразие? Ведь двух похожих образов у Георгия Шавгулидзе не сыщешь? Все, все подсказывало только интуиция?

Мне не известно, каким был Г. Шавгулидзе книголюбом (хотя своими глазами видела на его гримировальном столе репродукцию Давида — скульптуры Микеланджело, — которого использовал он

для внешности Октавия Цезаря), но что его отношение к собственному делу было глубоко серьезным, об этом двух мнений не существует.

Такое отношение к своей профессии вообще было характерно для театра Марджанишвили того времени — актерство, выход на сцену, встреча со зрителем являлись основным назначением их жизни, каждый актер абсолютно все силы отдавал сцене и всегда играл с полной отдачей.

Потому так любили этот театр, любовью, полной уважения к искусству театральному.

Такое искусство создавал Г. Шавгулидзе.

Такого искусства требует его память от театра имени Марджанишвили, отмечившего ныне 70-летие со дня рождения этого замечательного актера.

Натела УРУШАДЗЕ.